

О предыстории метрического учёта в России (XVII — первая половина XVIII в.)

Дмитрий Пшеницын, Марина Черкасова

The background metric accounting in Russia (XVII — the first half of the 18th century)

*Dmitry Pshenizin (Vologda genealogical society, Russia),
Marina Cherkasova (Vologda State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870004221-4

Проблемы исторической демографии принадлежат к числу наиболее актуальных в практическом для современной России и научно-исследовательском отношении. Частью их является изучение систем демографического учёта. Систематическая статистика рождаемости, брачности, смертности и исповедания православного населения была объявлена при Петре I (указы 1722—1724 гг.), а ведение её поручено церкви (метрические ведомости/экстракты/книги, исповедные ведомости). Расширившись в 1740-х гг., в полной мере метрический учёт развернулся с 1770-х гг. и продолжал успешно функционировать в XIX — начале XX в.¹ Однако определённый опыт церковного учёта населения был накоплен ещё в допетровскую эпоху, а в период преобразований полноценно сосуществовал с вводимыми новшествами, оставив обширный документальный след. Различные виды этой массовой документации, представленной в федеральных и региональных архивах, ещё недостаточно выявлены и разработаны. Обзору этих материалов по фондам Государственного архива Вологодской области и Великоустюгского центрального архива (ВУЦА) посвящена предлагаемая статья. Её источниковую базу составила документация двух севернорусских епархий — Вологодской и Устюжской. Помимо источниковедческого, нас интересуют и другие аспекты проблемы — демографический, финансовый, социокультурный.

«Точкой отсчёта» в современном изучении метрического учёта следует считать ценную новаторскую монографию Д.Н. и И.А. Антоновых. В ней впервые в общеевропейском контексте рассмотрены этапы метрикации в России, распространение её на население не только православного, но и католического, мусульманского, иудейского вероисповедания, методы дипломатики и восстановления истории семей применены к анализу метрических книг как «актов гражданского состояния», раскрыто их гражданско-правовое, социокультурное, религиозно-философское содержание. В приведённой в конце работы библиографии указано много зарубежных исследований, имеется рубрика «церковная

© 2019 г. Д.А. Пшеницын, М.С. Черкасова

¹ *Елатъевский А.В.* К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время) // *Актовое источниковедение. Сборник статей.* М., 1979. С. 57—58; *Антонов Д.Н., Антонова И.А.* Метрические книги России XVIII — начала XX в. М., 2006.

реконструкция источников метрического учёта². По видам источников к этой реконструкции отнесены брачные обыски, венечные памяти и книги венечных сборов. По первым двум видам указаны статьи и опубликованные законодательные акты XVIII—XIX вв., тогда как венечные книги остались без соответствующих отсылок. А между тем именно они и легшие в их основу венечные памяти стали определяющими в церковном учёте брачности православного населения до метрикации в России.

Предысторию метрического учета в России принято вести с решения Московского церковного собора 1666/67 г., предусматривавшего составление при церквях «четырёх записных книг»: рождений (крещений), браков, смертей и явок на исповедь в дни основных постов³. Период после собора 1667 г. и законодательного введения метрических книг в 1722—1724 гг. Антоновы определяют как «пустынный», когда нормы составления метрик были, а сами метрики почти не велись и не хранились, существенного включения государственного механизма в этот процесс не произошло. Но период этот в общей периодизации метрического учёта православного населения России необходимо выделить для понимания предыстории метрик⁴.

Что же нам известно о предшествовавших метрическим книгам венечных памятях и записных венечных книгах? Терминологически венечные памяти можно возвести к древнеславянскому обычаю, когда моногамного брака как института не существовало, и на «игрищах между селы» девушка вручала своему избраннику венки из цветов или листьев. Долго держался также обычай украшать головы молодых в день свадьбы венками из цветов или зелени, а на Троицу завивать венки из свежих березовых ветвей⁵. Не их ли отдалённым отголоском стали бытовавшие в Киевской епархии в XVIII в. «квіти» (цветы), за получение которых у брачующихся взимались «квітові пошлины»?⁶ Возможно, этому родственен и болгарский «квіток»⁷. Известный в XVIII в. термин квитанция (ранее — отпись) как расписка в получении денег имеет латинскую этимологию (квит — окончательный денежный расчёт, отсюда — расквитаться с кем-то), и в нём могли сказаться разные языковые пересечения⁸.

Начало церковному регулированию семейно-брачной сферы было положено древнерусскими княжескими уставами XI—XV вв.⁹ С распространением христианства формировался особый церковный документ — «знамя на венцы», или «венечная память». Она выдавалась из казённых приказов архиереев, оплачивалась пошлиной, записываемой в приходные «знамянные» (венечные) книги¹⁰. Более ранний ряд терминов — знамя / знамянные деньги / знамянные

² Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги... С. 350—352.

³ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — ДАИ). Т. 5. СПб., 1853. № 101. С. 461—463; Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги... С. 37 (аналогом «записных книг» авторы считают метрические книги, введённые митрополитом Петром Могилой на Украине в 1646 г.).

⁴ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги... С. 33, 38—40.

⁵ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 3. Л., 1987. С. 32.

⁶ Крыжановский П.С. Венечные памяти и пошлины // Известия императорского Археологического общества. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1859. С. 112—119; Прилежаев Е.М. Новгородская софийская казна. СПб., 1875. С. 61—62. Благодарим И.Ю. Анкудинова, указавшего на книгу Е.М. Прилежаева.

⁷ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1994. С. 392.

⁸ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 10. СПб., 1998. С. 29—30.

⁹ Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976.

¹⁰ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 44.

книги; более поздний, бытовавший в XVII — первой половине XVIII в., — вечная память/вечные деньги/вечные книги.

В приходо-расходных книгах Вологодской архиерейской кафедры 1612/13 и 1627/28 гг. используется термин «знамя», а с середины XVII в. — «внешняя память»¹¹. А вот как менялись самоназвания книг, отразивших и динамику браков, и их документально-правовое оформление, и финансовую составляющую: 1612/13 г. — «книги софейские домовые вечные»; 1627/28 г. — «книги приходные вечным пошлинам»; в 1648/49 г. — «книги збору внешних пошлин»¹².

Ещё один контекст употребления термина «венец» находим в окладных книгах архиерейских кафедр. В них, фиксирующих прямой церковный налог — дань, — венцы фигурируют как тяглая единица, сопоставимая с супружеской парой/четой, синонимичная домохозяйству—дыму—двору¹³. В окладной книге 1676/77 г. по Вологодскому, Белозерскому уездам и Чарондской округе выявлены приходы, где количество венцов заметно превосходило численность дворов: 244 двора и 384 венца; 27 дворов и 45 венцов и т.д.¹⁴ Вероятно, во дворе проживало по несколько семей. Неразделённые братские или трёхпоколенные семьи прямого родства также могли содержать несколько «венцов».

К более ранней терминологии тяготеет Белозерская уставная грамота 1488 г.: «Десятилнику владычню от знамян» 1,5 коп. Определялись и пошлины, уплачиваемые гражданским властям: выводная куница при выходе девушки замуж внутри Белозерского края составляла 1 алтын, а за пределы Белозерья — 2 алтына, «убрусное» — 2 деньги¹⁵. В уставной грамоте Устьянским волостям 1539 г. новоженный убрус волостелю составлял «за три белки алтын», а выводная куница — «за 6 бел — 2 алтына»¹⁶.

В каноническом (Кормчая книга) и церковном (Стоглав 1551 г.) праве, уставных грамотах церковных иерархов XIV—XVII вв. определялся ранний срок вступления в брак отроков (14—15 лет) и отроковиц (12—13 лет), допущение не более трёх канонических браков, размеры вечных пошлин при первом, втором и третьем браке. Следует напомнить, что при первом браке во время церковного обряда венцы возлагались на головы жениху и невесте, при втором — на правое плечо, а при третьем уже не использовались. С собственно венчанием был связан только первый брак («закон»), а при втором и третьем священник молитвословил партнёров, давая им благословение¹⁷.

Учёт незаконной рождаемости также отразился в архиерейских приходных книгах, куда записывались почеревные (подчеревные) и пенные деньги за блуд и рождение внебрачных детей. Первые обычно составляли 18 коп., вторые —

¹¹ Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016. С. 38—53, 130—165, 232—258.

¹² Там же. С. 38, 130, 232.

¹³ *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1979. С. 331.

¹⁴ *Черкасова М.С.* Экономическая и демографическая характеристика сельских приходов Вологодско-Белозерской епархии в XVII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский сборник тематических научных трудов. Калининград, 2008. С. 245—246, табл. 5.

¹⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 22. С. 40.

¹⁶ *Яковлев А.И.* Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. С. 27.

¹⁷ Венец брачный // Православная богословская энциклопедия. Т. 3. СПб., 1902. Стб. 1093—1096; *Цытин В., прот.* Брак // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 151.

2,25 руб. Почеревные брались с «родильниц», а пенные — «с холосцов или вдовцов, кто им незаконно брюхо/чрево учинил», вариант: «кто с родильницей жил блудно и на кого она в допросе скажет»¹⁸. Элементы церковного суда, штрафные санкции — всё это отражало церковно-правовое регулирование семейно-брачной сферы жизни людей той эпохи. Здесь вполне ошутим фискальный аспект, поскольку более высокое обложение незаконных «пенных свадеб» (имеющих вынужденный характер главным образом для мужчин) повышало доходы архиерейской казны. В записной пошлинной книге 1691/92 г. по Яренскому уезду с 21 законной свадьбы было взято 4 руб. 18 коп., а с двух пенных — больше 4 руб. 50 коп.¹⁹

В приходной книге Новгородского дома св. Софии 1576/77 г. много упоминаний о сборе поповскими старостами вечных пошлин, предоставленных приходскими священниками («по их паметем/книгам»). Иногда кратко отмечена структура брачности (первые («отроки») и вторые («вдовцы»)), периоды свадеб. В книге приведены также размеры пошлин за второй брак — 2 алтына (6 коп.)²⁰. В работе Е.М. Прилежаева показано место вечных пошлин в широкой совокупности взиманий в митрополичью казну, способы организации святительских выплат (дань, подъезд, за московский подтём, заезд, благословенная куница, великоденских, ставленных, перехожих, почеревных, выводных, похоронных и др.)²¹.

В коллекции Н.П. Лихачёва имеется ранний образец вечной памяти, выданной 21 февраля 1598 г. митрополичьим сыном боярским Л. Лихоревым дмитриевскому посадскому попу на венчание второбрачных. К памяти, содержащей также элементы брачного обыска, была приложена «казённая знаменная печать»²². Сотни вечных памятей, начиная с 1620 г., сохранились в архиве Вологодского архиерейского дома²³. Примерно с 1630-х гг. систематически подавались «сказки» приходских попов о количестве свадеб в их церкви, полученных с них пошлинах, отсутствии среди прихожан четвероженцов, «незаконных родильниц», наложников и наложниц, раскольников (с 1660-х гг.), исправном посещении прихожанами воскресных служб и явок на исповедь в Великий пост²⁴. Сохранилась ранняя отпись приказных людей вологодского архиепископа Нектария от октября 1613 г. С петропавловского попа Ровдогорской волости Двинского уезда они взяли по 1 алтыну с четырёх первобрачных и 2 алтына со второбрачной свадьбы²⁵. В наказной памяти усть-вымского наместника вологодского архиепископа Иоасафа кн. Ф.А. Дябринского приказным людям от 7 декабря 1606 г. говорится о сроках предоставления вечных пошлин на Усть-Вымь — «по великий мясоед, и в Великий пост, и по Велице дни, и до Петрова дни»²⁶.

¹⁸ Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 496, оп. 1, кн. 371, л. 133 об., 150 об., 213 об.

¹⁹ ОР РНБ, Общество любителей древней письменности, Q.—755 (нумерации листов нет).

²⁰ Приходная книга Новгородского дома св. Софии 1576/77 г. М.; СПб., 2011. С. 9, 10, 11, 54, 57, 67, 68, 69, 70, 72.

²¹ *Прилежаев Е.М.* Новгородская софийская казна. СПб., 1875.

²² Архив СПбИИ РАН, колл. 238, оп. 2, карт. 33, № 30. Благодарим Н.В. Башнина, указавшего на этот документ.

²³ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, № 86—88, 95—97, 113—114, 121—125, 177, 249.

²⁴ Там же, № 134, 137, 153, 154, 327, 504, 608, 624, 695.

²⁵ Там же, № 28. В это время области Двины и Каргополя относились по церковной юрисдикции к вологодской кафедре (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее — РИБ). Т. 2. СПб., 1875. № 190. Стб. 886).

²⁶ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. II. СПб., 1864. № 230. IV. Стб. 670—672.

Совершался своеобразный круговорот: из казённых приказов архиереев выдавались вечные памяти и в казну же шли свадебные сборы. В 1602 г. в денежной сумме, поступившей в казну ростовского митрополита Варлама, доля «знаменных» пошлин составила 47%, а в 1622 г. — 81%. Это устанавливается по казначейским отпискам, скреплённым «домовыми казенными печатями». В доходах Новгородской митрополии по приходной книге 1654 г. доля вечных пошлин была 14,4% (207 руб.)²⁷. В структуре брачности в 1654 г. почти 88% (1 628 случаев) составляли первые браки, 11% (205 случаев) — вторые и около 1% (18 случаев) — третьи.

Помимо вечных памятей-знамян в комплексе учётной документации церковного происхождения дометрического периода важны вечные разделы архиерейских приходо-расходных книг. По Вологодской архиерейской кафедре систематическое изучение динамики и структуры брачности, вечных пошлин как одной из неокладных статей владычного прихода, можно произвести на основе новейшей публикации обширного комплекса этих ценных источников XVII в.²⁸ Записи в них велись в пределах сентябрьского года по месяцам. По подсчётам Н.В. Башнина, доля вечных пошлин в самой ранней сохранившейся книге за 1612/13 г. составила 7,7% бюджета кафедры, а в 1627/28 г. она возросла до 10%, хотя в денежном выражении эти сборы увеличились в 3 раза — с 43 руб. 75 коп. до 131 руб. 41 коп.²⁹ Размеры же самих брачных пошлин — по 1—2—3 гривны за первый, второй и третий брак соответственно — оставались неизменными в первой трети XVII в., превосходя нормы Стоглава.

По нашим подсчётам, в структуре брачности городского и сельского населения в ту пору преобладали первые браки, хотя доля вторых и третьих тоже заметна: в 1617/18 г. — до 17—23%, а с учётом свадеб, когда один из партнёров вступал в брак во второй-третий раз, а другой был отроковицей или отроком, больше³⁰. Произведённый И.А. Устиновой анализ приходной книги казённого Патриаршего приказа за 1640/41 г. показал 25% вторых и третьих браков в Патриаршей области³¹. Так возникают перспективы последующего сравнительно-исторического рассмотрения демографического учёта и феномена брачности в различных церковных институциях по источникам одного вида.

В ряде случаев наблюдается совпадение дат записей в приходных книгах Вологодской епархии с датами конкретных вечных памятей, сохранившихся в отдельном виде. Формуляр их был весьма краток: они писались по приказу правящего архиерея собственноручно от имени поповских заказчиков, предписывавших конкретным священникам данного «заказа» венчать или молитвить имярек («оба отроки», либо «оба вторым браком») и сыскать про них, в соответствии с каноническим правом, чтобы те не были ни в роду, ни в племени, ни

²⁷ Прилежаев Е.М. Указ. соч. С. 68.

²⁸ Приходо-расходные денежные книги...

²⁹ Башнин Н.В. «Бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в. // Российская история. 2017. № 5. С. 119 (табл. 1), 121; Башнин Н.В. Хозяйственная деятельность Вологодского архиерейского дома св. Софии в Смуту // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. 2017. № 2. С. 13.

³⁰ Черкасова М.С. Брачность городского и сельского населения в первой трети XVII в. (по приходо-расходным книгам архиерейской кафедры) // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников XVI—XIX вв. Вологда, 2003. С. 95—103.

³¹ Устинова И.А. Сводный источник о браках в России в XVII в. и его информационные возможности // Сила слабых: Гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Т. 1. М.; Архангельск, 2017. С. 62—64.

в кумовстве, ни в свойстве, «безо всякого приурока»³². Нарушение приходскими попами канонических правил рассматривалось как духовная вина, за которую десятильники и недельщики брали их на поруки и доставляли в архиерейский «судный приказ духовных дел»³³.

При получении вечных памятей к собственно вечной пошлине вступающими в брак доплачивались ещё «печатного деньга, писчего две деньги по старине»³⁴. Иногда фигурировали «куничные и казначейские выплаты», что отражало архаические порядки системы кормлений, корпоративного способа изъятия ренты и её присвоения группой архиерейских служителей (казначеев, тиунов, куничников, заезщиков). В Новгородской епархии в отдельные годы вечные сборы (плюс проскурницыны пошлины с церковью всех пятин Новгородской земли) суммарно присваивались причтом (43 человека) Софийского собора³⁵. По уставной грамоте Павло-Обнорского монастыря 1633 г. свадебные пошлины тиуна и доводчика с двое- и троюженцев были одинаковы — 8 коп., но двоеженцы ещё давали «тиунского гуся и блюдо пирогов», а от троюженцев тиун и доводчик получали «дар» по 3 и по 2 коп. соответственно³⁶. Отмеченная терминология (и должностная — казначеи, тиуны, доводчики; и продуктовая — пироги, дар, живность) находит аналогии в многочисленных наместничьих уставных, жалованных кормленных грамотах XV—XVI вв., доходных списках волостелиных кормов и проч. Здесь взаимное уподобление систем государственного и церковного управления и присвоения с их проездными и стационарными формами совершенно очевидно. Об этом же говорят такие практикуемые в Новгородской митрополии выплаты, как «откуп за проезжих» и «за сиделых десятильников», а ещё сравнительно поздняя (1636) кормовая грамота новгородского митрополита Афония десятильнику П.Г. Жеглову с подьячим, посланным на «годовое сиденье» в Шенкурск Верховажской земли³⁷. Часть вечных пошлин давалась в качестве жалованья и «почести» приказным людям архиерейских домов³⁸, иногда как компенсация «проестей и волокит» поповским старостам-заказчикам³⁹, а ещё шла на ремонтные и строительные работы в архиерейских подворьях в разных городах⁴⁰.

³² ГА ВО, ф. 496, оп. 1, кн. 609, л. 4; ф. 1260, оп. 1, № 86; Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, отдел фондов, ф. 1, оп. 1, № 13.

³³ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841. № 150. С. 217.

³⁴ Стрельников С.В. Ростовские грамоты XV—XVI вв. // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 45; Черкасова М.С. Устюжская десятина Ростовской митрополии в XVI—XVII вв. // Сообщения Ростовского музея. Вып. XIX. Ростов, 2008. С. 9.

³⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук (далее — ААЭ). Т. III. СПб., 1836. № 306. С. 451—454. Именно такой размер пошлины за второй брак сообщает приходная книга Новгородского дома св. Софии 1576/77 г. (см. выше).

³⁶ ГА ВО, ф. 1260, оп. 6, № 200.

³⁷ Прилежаев Е.М. Указ. соч. С. 53; РИБ. Т. 14. СПб., 1894. Стб. 376—377; Назаров В.Д. Полюдье и система кормлений: первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Чтения, посвящённые памяти академика Л.В. Черепнина. Вып. 1. М., 1988. С. 163—170; Черкасова М.С. Документы XVII—XVIII вв. из соборных храмов в Вельске и Верховажье // Вестник церковной истории. 2008. № 4(12). С. 66, 75—76.

³⁸ Приходо-расходные денежные книги... С. 645.

³⁹ ГА ВО, ф. 948, оп. 1, кн. 6, л. 182 об.

⁴⁰ Там же, ф. 883, оп. 1, кн. 241, л. 102 об.—103.

Для церковного учёта брачности в период после Стоглава характерно: неуклонное увеличение свадебных выплат на уровне епархий и отдельных вотчин-сеньорий; более дифференцированное обозначение браков, когда появилось понятие полуторных и полутретых браков. Под полуторными понимались свадьбы, когда в брак вступал вдовец с девушкой или вдова выходила замуж за отрока. Под полутретьими («пол-3», т.е. 2,5) — когда один из партнеров женился/выходил замуж в третий раз, а другой — во второй или первый. Брачные выплаты становились более дифференцированными, чем ранее, что более адекватно отражало и учитывало социальную практику. Возрастные характеристики браков в источниках того времени редки, но определённая разница возраста у партнеров при подобных браках, несомненно, была, как и наличие или отсутствие детей⁴¹. В вотчине Иверского Валдайского монастыря в 1683 и 1703 г. пошлины с первых браков составляли 10—12 коп., с полуторного — 18, второго — 20—25, третьего — 30 коп.⁴² Полутретьи свадьбы оплачивались в таком же размере, как и третьи.

В конце XVII в. в грамотах церковных иерархов чаще появляется и морализаторский аспект в разъяснении пастве таинства брака. В настольной грамоте митрополита Тобольского и всея Сибири Корнилия игумену Успенского Исетского монастыря Афанасию от 17 января 1675 г. при совершении обручения и венчания предписывалось следить за выполнением следующих принципов: 1) добровольное согласие брачующихся; 2) возраст невесты не менее 12, а жениха не менее 15 лет; 3) отсутствие препятствий в виде родства или «сватовства»; 4) обязательность для партнёров накануне бракосочетания исповеди; 5) совершение обряда «поутру до полудня» и ни в коем случае не ночью; 6) непризнание четвёртого брака каноническим⁴³.

Ещё более развёрнуты эти положения в поучительных посланиях и наказах самого Афанасия, когда он стал первым епископом новооткрытой Холмогорско-Важской епархии (1682—1702). В его наказе духовному судье архиерейской кафедры старцу Тихону от 25 декабря 1682 г. размеры венечных пошлин предписывались дифференцированно: 1) при женитьбе отрока на девке 12 коп.; 2) при женитьбе отрока на вдове 18 коп.; 3) при свадьбе второбрачных 25 коп.; 4) с третьего брака 30 коп. Кроме того, на каждый брак по-прежнему начислялись ещё казённые и записные пошлины размером 4 коп. Духовный судья должен был сличать год, месяц, число, имена брачующихся в присылаемых ему списках с венечных памятей и записных книгах, дабы не допустить утайки сбора венечных денег со стороны приходских священников, поповских старост и десятских («заказных») попов. За утайку налагались высокие штрафы в размере 2 руб. 25 коп. с попа плюс двойной размер скрытой венечной пошлины. Запрещалось венчать отрока с тоебрачной вдовой и тоебрачного вдовца с девицей. Не разрешалось венчать свадьбы в «государские праздники, царские ангелы», воскресные дни, среду и пятницу. До бракосочетания приходские священники должны были требовать от партнёров строгого соблюдения постов, исповеди и

⁴¹ В посланиях митрополитов XIV—XV вв. основанием для третьего брака признавалась молодость (25—30 лет), отсутствие детей и «плотская слабость», старость же понималась как препятствие к третьему браку, поскольку намерения его «не чадородия ради» (РИБ. Т. 6. СПб., 1880. № 32. Стб. 252).

⁴² Тимошенкова З.А. Социокультурный облик северо-западной деревни в XVII — начале XVIII в. Псков, 1999. С. 66—67, табл. 3.2.

⁴³ Булатов В.Н. Муж слова и разума. Афанасий — первый архиепископ Холмогорский и Важский. Архангельск, 2002. С. 211—212.

причастия. Венчание должно было совершаться только на утренней литургии, присутствующим следовало избегать всяких выкриков («кличей безчинных») и «укорных нелепых слов». Особо крепкое запрещение касалось совершения таинства нетрезвыми священниками. Нарушение этих предписаний, опирающихся на канонические правила, грозило последним лишением сана, а мирянам — наложением штрафов⁴⁴.

Требование исповеди брачующихся перед венчанием встречается только в упомянутом документе епископа Афанасия. Другие аспекты исповедной практики отражены в памятях новгородского митрополита Корнилия 1681, 1683 и 1686 гг. В них они не связаны жёстко со вступлением в брак и говорят об учёте исповедной практики, внедрении церковью покаянной дисциплины в народ. Все приходские люди — мужчины, женщины и дети (отроки и отроковицы «возрастом лет в 12») — должны являться на исповедь⁴⁵. Игнорирующих говение в Великий пост следовало фиксировать в «имянных росписях за поповыми руками», присылаемых в судный митрополичий приказ в Новгород Великий⁴⁶. Священникам предписывалось составлять великопостные сказки, перечисляя и тех, кто исполнял пост—исповедь—причастие, и тех, кто от них уклонялся⁴⁷. Упомянутые именные росписи и сказки, скорее всего, до нас не дошли, но их составление можно рассматривать как своего рода элементы демографического учёта на уровне церковных приходов.

В дальнейшем в известных нам ранних образцах исповедных книг (тетрадей) Вологодской епархии за 1718—1724 гг. по каждому селению встречаются две группы именных «реэстров» — пришедших на исповедь и не явившихся. Назывались же они опять-таки «книги записные детям духовным такого-то уезда/волости/прихода хрестьяном, кои исповедывались и Святых Таин причащались, а о сложении перстов по свидетелству крест изображают по преданию святых апостол и святых отец во имя Святые Троицы, а не по раскольничью преданию»⁴⁸.

Новгородский митрополит Корнилий в грамоте 1681 г. уточнял: в вечных памятях следовало писать, что поп венчал или молитвил мужей не от живых жён, а жён не от живых мужей. В случае пострижения мужа в монахи жена не должна была идти замуж за другого; аналогично при пострижении супруги «муж ее иные жены не поиметь»⁴⁹. В наказной грамоте Корнилия 1686 г. отражена атмосфера церковной реформы: крещения младенцев и венчание свадеб следовало проводить по исправленным Требникам, ходить во время обряда против солнца⁵⁰. В 1692 г. Корнилий требовал от священнослужителей составлять даже именные списки участников свадебного поезда жениха и невесты, каких бы чинов люди в него ни входили, фиксировать год, месяц и число венчаний, «а пришлых и незнаемых людей отнюд не венчать»⁵¹.

Если учёт рождаемости в дометрический период касался лишь фактов незаконных (внебрачных) рождений, то смертность учитывалась только скоро-

⁴⁴ Булатов В.Н. Муж слова и разума... С. 222—223.

⁴⁵ ДАИ. Т. VIII. СПб., 1862. № 92. II. С. 318.

⁴⁶ Там же. Т. X. СПб., 1867. № 76. I. С. 321.

⁴⁷ Там же. Т. XII. СПб., 1876. № 35. II. С. 320—321.

⁴⁸ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, кн. 550, 574, 639, 676; оп. 19, кн. 94, л. 406.

⁴⁹ ДАИ. Т. VIII. № 92. III. С. 319.

⁵⁰ Там же. Т. XII. № 35. С. 318—319.

⁵¹ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 265. VI. С. 391—392.

постижная. Об этом свидетельствуют многочисленные в повседневной практике северных епархий похоронные памяти и челобитные об их выдаче. По Вологодской кафедре сотни таких памятей дошли до нас за XVII в.⁵², а по Устюжской десятина Ростовской митрополии они отражены в записных пошлинных книгах⁵³. Памяти выдавались из казённых приказов архиереев как разрешение на погребение умерших «судом Божиим / Божию волею скорою смертию без отца духовного и Св. Даров», а также погибших в результате несчастных случаев. Похоронным памятям соответствовали взимаемые с них похоронные пошлины (13—14 коп.)⁵⁴.

К учёту сведений о смертности имели отношение и гражданские власти. По Устюгу и уездам Устюжской десятины за 1660-е гг. имеется немало челобитных, адресованных на имя царя Алексея Михайловича, а конкретно — в местную приказную избу воеводе и городовому дьяку. В них родственники или односельчане обычно излагали разнообразные явления повседневной жизни, повлекшие за собой смерть. Она наступала из-за разгула природной стихии или бытовых причин — убило молнией; женщина полоскала белье в реке или «мочила холсты» и её унесло течением, прохожий пытался её спасти и сам погиб; во дворе человека насмерть придавило упавшим сараем; старуха упала с повети и ушиблась насмерть; человек ремонтировал крышу дома и упал с неё; утонул в реке или «на заплоте» водяной мельницы; перевернулся в лодке, расставляя сети на реке; сгорел в овине; загрыз зверь в лесу; задавлен упавшим деревом при рубке подсеки; упал с дерева; «задохнулся в трубе» на соляной варнице; умер на дощанике в работных людях; замерз насмерть во время сильных холодов и т.д.⁵⁵ Смерть случалась в результате уголовного преступления («зарезан мертв»; «убит лихими людьми»), пьянства («згорел от вина», «опился»), кровавой драки в гостях («зарезан на пиру»). Болезни в челобитных назывались кратко — «умерла скорою смертию от скорби / от сердечной болезни», умер «от огневицы», «умерла в припадке безумия / от черной немочи»⁵⁶. Специфической женской причиной смертности были тяжелые роды и послеродовая горячка. Смерть могла наступить в ходе судебного расследования — «умер в тюрьме от пыток». Случались и самоубийства: «обвесился в лесу на дереве в исступлении ума своего», «вне ума удавился», «сам себя ножом зарезал», «жена обвесилась от побоев пьяного мужа», «повесился с тоски», удавился цепью, на которую был посажен в припадке чёрного недуга⁵⁷.

В ответ на челобитные воевода обычно направлял память митрополичьим приказным (архимандритам или игуменам местных монастырей и соборному протопопу) с повелением «то мертвое тело пограть с отпеванием по правилу святых апостол и отец». Отпевание и погребение у церкви не допускалось, если человек покончил с собой, был убит, задавлен или зарезан. Памяти скреплялись воеводскими печатями и имели резолюции приказных людей митрополита Ростовского, в юрисдикции которого до 1682 г. находился Устюг: «Дана

⁵² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, № 199—201, 222, 226, 334, 455, 652—570.

⁵³ Там же, ф. 883, оп. 1, кн. 245. Подробнее об этой записной пошлинной книге митрополичьих приказных людей на Устюге 1665/66 г. см.: *Черкасова М.С.* К изучению дело- и судопроизводства в Ростовской митрополии XVII в. // *История и культура Ростовской земли.* 2007. Ростов, 2008. С. 103—111.

⁵⁴ РИБ. Т. 2. № 204. Стб. 942—943.

⁵⁵ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, № 624—629, 676—685, 737—741, 814—818, 1192, 1228.

⁵⁶ Там же, ф. 1260, оп. 3, № 50, л. 1—16; № 111, л. 1—8; № 112, л. 1—2; № 140; № 187, л. 1—22.

⁵⁷ Там же, оп. 1, № 742, 817, 821, 1057; оп. 3, кн. 248, л. 3.

похоронная память... попу». Параллельно с пометами на челобитной от имени приказных людей митрополита и по приказу воеводы выдавалась похоронная память, скреплённая воеводской печатью и имеющая на обороте дьячью припись. Иногда при этом указывалась величина взятой похоронной пошлины — 14—28 коп., и что похоронные деньги в книги записаны. Если погибал или скоропостижно умирал безродный человек, похоронная память направлялась богаделенному священнику и добавлялось, что «пошлины взять не на ком» или: «про смерть ее сыск будет»⁵⁸.

На фоне ограниченного учёта рождаемости и смертности в дометрический период более систематическим, отработанным в деятельности церкви оставался учёт брачности. В грамоте (чаще называемой в литературе «инструкцией») патриарха Адриана 1697 г. от поповских старост требовали досматривать у священников их годовые скаски о количестве браков в приходах и проверять наличие подлинных вечных памятей. Размеры вечных пошлин в инструкции совпадали с указанными епископом Афанасием Холмогорским в грамоте 1682 г., которая могла послужить источником при выработке патриархом своего документа (первый — 12 коп., полуторный — 18, второй — 25, третий — 30 коп.)⁵⁹. М. Горчакову была известна другая патриаршая грамота 1687 г. (с такими же показателями), адресованная новгородскому митрополиту Корнилию⁶⁰. В окладной книге 1675 г. в приходах патриаршей юрисдикции в Белозерском уезде собиралось с первого брака 8—10 коп., второго — 18—25, третьего — 30—36 коп.⁶¹ К ним близки показатели наказной грамоты патриарха Иоакима приказчику на Белоозере 1674 г. (12—18—25—30 коп.)⁶². Эти величины вечных пошлин, ставшие своего рода итогом их роста в XVI—XVII вв., длительное время использовались как образец, на который ориентировалось Сенатское и Синодское законодательство в первой трети XVIII в. Так возникающая государственная регламентация семейно-брачной сферы использовала накопленный в ней церковью опыт предшествовавшей эпохи.

Сфера сбора вечных и похоронных пошлин в практике архиерейских должностных лиц была подвержена коррупции. Частые случаи злоупотреблений десятильников, «заезщиков», поповских старост отражены в приходных книгах и актовых источниках. Многократное превышение установленных пошлин допускал «сиделый десятильник» новгородского митрополита Аффония в Верховажье П. Жеглов в 1636 г.: он брал за первый брак по 45 коп. (при норме 7—9 коп.), а похоронного — по рублю (при норме 13—14 коп.)⁶³. Отстранённый по челобитным возмущённого населения и местного духовенства, он в дальнейшем столь же безобразно действовал в других городах Новгородской митрополии — Городецке (Бежецке) и Устюжне Железопольской⁶⁴. В 1642 г. в патриаршей десятине в Нижегородском уезде произвели розыск относительно злоупотреблений поповского старосты-заказчика Василия, бравшего, вопреки

⁵⁸ Там же, оп. 3, № 50, л. 10, 16.

⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 3. № 1612. С. 413—425.

⁶⁰ *Горчаков М.* Монастырский приказ (1649—1725 гг.). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 238—239, примеч. 1.

⁶¹ Приходо-расходные денежные книги... С. 640—641.

⁶² ААЭ. Т. IV. СПб., 1836. № 198. В 1606 г. в Белозерском и Пошехонском уездах собиралось 9,5—18—23 коп. с первого, второго, третьего брака соответственно (РИБ. Т. 2. № 204. Стб. 942—943).

⁶³ ОР РГБ, ф. 353, оп. 1, № 12.9; ААЭ. Т. III. СПб., 1836. № 175, 178. С. 257—258, 260—261; *Черкасова М.С.* Документы XVII—XVIII вв. ... С. 66, 75—76.

⁶⁴ *Прилежаев Е.М.* Указ. соч. С. 86.

данной ему в 1637 г. заказной памяти, за первые браки 12—15 коп. (вместо положенных 9,5), а за вторые 25—40—48 коп. (вместо 18)⁶⁵. Помимо свадебных, он присваивал себе и другие пошлыны — переходные, судные — и сбежал с награбленными деньгами в неизвестном направлении. Особым нарушением была запись попами вторых браков первыми, а третьих — вторыми (с соответствующим присвоением денежной разницы себе, поскольку повторные браки облагались более высокими пошлинами)⁶⁶. В январе 1691 г. двух домовых детей боярских устюжского архиерея отставили от должности «за многие их в посылках наглости, озорничества и разорения церковных причетников»⁶⁷.

В ряд записных книг Вологодской кафедры за 1688—1719 гг. внесены пошлыны с первого брака 20 коп., второго 40, третьего 60 коп.⁶⁸ Такими же были они в Устюжской епархии в начале 1720-х гг.⁶⁹ Однако в казённые книги Вологодской кафедры записывалась только половина от каждого взимания, соответственно по 10, 20 и 30 коп., т.е. по сути те же гривна-две-три за первый, второй и третий брак соответственно, которые взимались и в первой трети XVII в.⁷⁰ Излишние от не вносимых в казначейские книги деньги вносились в «особые тетради для памяти и отдавались вверх, в келью архиерею» (такая практика была и в первой трети XVII в.)⁷¹. Из них формировался фонд келейной казны вологодских владык, доходившей в разные годы до 500—700 руб. Он был необходим главным образом для частых поездок владык в Москву, длительного и дорогостоящего пребывания там, хлопот в московских приказах. Думается, не случайно в Сенатском указе 11 апреля 1711 г. говорилось о сборе вечных пошлын в вотчинах Рязанского архиепископа Стефана Яворского его приказными людьми (а не гражданскими чиновниками) «в домовую казну по-прежнему для московского житья и расхода»⁷². Примечательно, что при этом сами размеры пошлын не указывались, и в эту сугубо внутрицерковную сферу государство ещё долго не вникало.

Петровским указом от 3 июня 1714 г. требовалось взимать с выдачи вечных памятей «вдвое» на содержание лазаретов для увечных и престарелых воинов, т.е. брать лазаретных денег столько же, сколько и вечных. При этом размеры последних точно не определялись («против прежнего положения»)⁷³. Из указа 1730 г.⁷⁴ видно, что, упоминая о «прежнем положении», законодатель исходил из показателей патриарших грамот 1677, 1687 и 1697 гг. Сбором лазаретных денег должны были заниматься архиерейские приказные, «люди добрые и верные», за «неисправление» которых предусматривались штрафы-пени. Как и в XVII в., это были поповские старосты (заказчики). Деньги же поступали: вечные — в казённые приказы архиереев, лазаретные — в Сенатскую канцелярию, Коллегию экономии, Монастырский приказ или провинциальные

⁶⁵ РИБ. Т. 2. № 204, 236. Стб. 942—943, 1013—1016.

⁶⁶ РИБ. Т. 12. Стб. 947.

⁶⁷ Там же. Стб. 1023—1025.

⁶⁸ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, кн. 246, 371, 600, 608.

⁶⁹ Там же, кн. 241.

⁷⁰ Там же, № 120, л. 13 об.—14.

⁷¹ Башнин Н.В. «Бюджет» Вологодского архиерейского дома... С. 119.

⁷² ПСЗ-И. Т. 4. № 2346. С. 658—659.

⁷³ ПСЗ-И. Т. 5. № 2821. С. 114; Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные и убогие в Москве XVIII в. М., 2010. С. 64; Щербинин П.П. Особенности призрения увечных воинов в России XVIII — начале XX в. // Армия и общество. Материалы международной научной конференции. Тамбов, 2002. С. 71.

⁷⁴ ПСЗ-И. Т. 8. № 5575. С. 292—293.

канцелярии (Белозерскую, Вологодскую, Устюжскую, Чарондскую) по третьем году (в апреле, августе и октябре)⁷⁵. Во множестве учреждений, куда в годы Северной войны направлялись лазаретные сборы, усматривается некоторая хаотичность в организации финансов. В условиях внешне- и внутривойнынского сверхнапряжения в стране происходило общее усиление налогового пресса с характерным для финансовой политики переносом центра тяжести на косвенное обложение. Заметим, что ни введение этого, по сути, нового налога в 1714 г., ни его корректировка в 1730—1731 гг., ни полная отмена в 1765 и 1768 гг., ни место в сложной конфигурации церковно-государственных налоговых отношений в новейших работах по истории налогов в России не нашли отражения⁷⁶. Введение в 1714 г. двойной платы за вечные памяти означало, что расходы на содержание раненых, больных и престарелых солдат государство возлагало на вступающее в брак православное население, а организационную сторону в их сборе и учёте — на церковь. О реализации указа 1714 г. свидетельствуют сказки заказчиков Вологодско-Белозерской епархии с 1717 г. Теперь суммарно с первого брака ими взималось 40 коп., со второго — 80, с третьего — 1 руб. 20 коп.⁷⁷

По указу вологодского архиепископа Павла от декабря 1716 г. записные книги вечных пошлин следовало начинать с 1 января, а не с Фоминой недели (после Пасхи, как было ранее)⁷⁸. Предоставляемая в казённый приказ архиерея на Вологду информация о браках за 1716—1720 гг. иногда называлась «ведение о венчании свадеб» или «переписная книга свадебам»⁷⁹. В этих «ведениях» записи давались в рамках нового календарного года — с января (не с сентября, как ранее). В них также различались даты женитьбы и венчания: «женился 14 февраля, а венчан 15 февраля». В день, отмеченный первым (14 февраля) выдали вечную память, в соответствии с которой и произвели венчание 15 февраля⁸⁰.

Соблюдение обоих принципов (сбора пошлин на лазареты и помесечной — с января — фиксации браков) видим в «записной книге неокладных вечных пошлинных денег, в том числе и на дачю лазаретом» Вологодской епархии 1719 г. В книге помесечно подведены суммы собранных пошлин — за выдачу вечных памятей и на лазареты⁸¹. В отличие от Вологодской, в делопроизводстве Устюжской епархии ещё длительное время удерживалась привычка записывать браки не строго помесечно, с января, а по четырём мяседам.

М. Горчаков отметил финансовое значение вечных платежей в связи с введением с них лазаретного сбора. На основе поданных в Монастырский приказ табелей из архиерейских домов он подсчитал суммы лазаретных денег в 1714—1723 гг. по ряду епархий (Псковской, Суздальской, Казанской)⁸². В ведомости, направленной в 1723 г. из Камер-коллегии в Синод, взимания эти приводились то слитно с вечными пошлинами (в Смоленской губ. — 1 456 руб., Архангелогородской — 892 руб.), то отдельно (в Петербургской — 451 руб., Киевской — 1 701, Воронежской — 152 руб.). При всём разбросе показателей

⁷⁵ Горчаков М. Указ соч. С. 240.

⁷⁶ Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. СПб., 1999; Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацко М.К. Налоги в России. IX — начало XX в. М., 2006.

⁷⁷ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, кн. 510.

⁷⁸ Там же, кн. 526, л. 9.

⁷⁹ Там же, кн. 466, 505.

⁸⁰ Там же, кн. 505, л. 6; кн. 466, л. 5.

⁸¹ Там же, ф. 496, оп. 1, кн. 600, л. 2.

⁸² Горчаков М. Указ. соч. С. 240—242.

(и браков, и собранных лазаретных денег) заметно возрастание денежных сумм в первой половине 1720-х гг.: в Псковской губ. в 1719 г. 216 руб., 1720 г. — 270, 1721 г. — 324, 1722 г. — 346 руб.

В Дополнении к Духовному регламенту 1722 г. было заявлено о введении метрик, названных «записными книгами»⁸³, но немедленного и всеобщего исполнения этого принципа в северных епархиях не замечено. По двум сельским приходам Вологодского уезда удалось, правда, обнаружить метрики, т.е. «записные книги раждаемым и крещаемым, умираемым младенцем с означением году и дня, именованием родителей и восприемников, и которые младенцы, не получившие крещение, померли, также лица браком сочетоваемые, и умирающих, и кто по христианской должности в покаянии преставились»⁸⁴. Обе ранние для Вологодской епархии метрики начинались с 3 января 1724 г. и, по сути, зафиксировали рождение/крещение, смертность не успевших получить крещение младенцев, бракосочетания, смертность и предсмертные исповеди взрослых людей. Табличная форма пока не использовалась. К январю 1724 г. относятся ещё три записные книги (не названных метриками), также не имевшие табличной формы, но структурированные на три части (рождения и крещения младенцев; браки; смерти), а некоторые только на две, когда брачный раздел отсутствовал. Для ранних образцов метрических книг, называемых записными, характерно предельное сближение рождаемости и крещений, когда рождение младенца фиксировалось в определённый день и тут же добавлялось, что он был крещён того же числа. За этим стояла высокая младенческая смертность и стремление немедленно крестить новорождённых. Неустойчивость трёхчастной формы в ранних метрических книгах, отсутствие в некоторых из них брачных разделов можно объяснить трудностью фиксации двойных платежей (за венчания и на лазареты), не вполне вписывавшихся в предложенную Синодом форму. В этом выразилась несогласованность правительственного законодательства, указов 1714 г. относительно лазаретных взиманий и принципов введения метрик 1722—1724 гг. Поэтому церковное делопроизводство на севере в годы введения исповедного и метрического учёта пошло проторённым путём выдачи вечных памятей и составления годовых записных книг вечных (плюс теперь и лазаретных) пошлин.

Обращение к формуляру ставленных грамот в Петровскую эпоху показывает подспудно происходящие изменения. В одном образце такой грамоты за 1717 г. говорилось об обязанности приходских священников «тайнами святыми совершать человека в жизнь христианскую духовную: крещати, миромазати, исповедати, венчати по воле и согласно мужа и жены, и последнее елеосвящение над болящими совершати»⁸⁵. Если в ставленных грамотах XV—XVI вв. акцент делался на архиерейском благословении, и священники представляли более как объекты пастырских увещеваний, строгих дисциплинарных взысканий, то теперь к ним самим предъявлялись требования быть учительными в отношении причта и прихожан.

В реестре сборов Великоустюжской епархии за 1720-е гг. среди неокладных статей указаны размеры вечных, лазаретных и пенных пошлин: с первого брака 20 коп., второго — 40, третьего — 62, «з блудных дел пенных» 2 руб. 25 коп.

⁸³ ПСЗ-1. Т. 6. № 4022. С. 699—702.

⁸⁴ ГА ВО, ф. 496, оп. 19, д. 94, л. 406, 868.

⁸⁵ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. III. СПб., 1884. № 362. II. Стб. 437—440.

В том же реестре отмечены венежные пошлины для причетниковых детей: с отрока новоженного 10 коп., выводных с девицы 16 коп.⁸⁶ С них, по всей видимости, лазаретные платежи не взимались. В Вологодской епархии в 1716 г. они были меньше: новоженное с отрока 7 коп., а выводное с невесты — 10 коп.⁸⁷ Так же — и в вотчинах Патриаршего дома в Череповской волости на Белоозере⁸⁸.

В записную книгу венежных и лазаретных сборов в Устюжской епархии за 1726 г. включены пересказы разрешений на второй брак, выносимых казённым ведомством архиерейской кафедры. Например, «вдове такой-то второбрачиться позволено по её прошению из Устюжской канцелярии Синодальной команды за неизвестностью ея мужа Еремея 16 лет»⁸⁹. В документах Вологодской архиерейской кафедры XVII в. чаще всего указывалось на отсутствие одного из супругов в течение 7—8 лет как основание для расторжения прежнего брака и вступления в новый.

Собираемые в Устюжской епархии в 1726 г. свадебные пошлины были на 40—50% выше прежних (согласно патриаршим актам 1677 и 1697 гг.). Следуя принципу указа 1714 г. брать на лазареты «вдвое», архиерейская кафедра существенно увеличивала суммарные платежи с брачующихся, поскольку им приходилось платить 40 коп. (вместо 24), 80 коп. (вместо 50) и 1 руб. 20 коп. (вместо 60 коп.) с первого, второго и третьего брака соответственно. С 1730—1731 гг. началась более действенная правительственная регламентация их размеров. Указ императрицы Анны Иоанновны от 30 июня 1730 г.⁹⁰ и совместный указ Сената и Синода от 14 апреля 1731 г.⁹¹ устанавливали нормативными показателями патриарших грамот 1677 и 1697 гг. за венежные памяти — по 12—18—25—30 коп. за первый, полуторный, второй и третий браки соответственно. В указе 1730 г. не случайно упоминался петровский указ от 3 июня 1714 г.⁹², которым впервые вводилось двойное обложение браков с расчётом на содержание лазаретов: с мест поступало много жалоб на чрезмерные поборы сверх указа, «от чего народу, а паче маломочным людям и крестьянам, чинится немалая тягость». При выработке указа 1730 г., возможно, использовался текст указа 1714 г., поскольку фразы о сборе венежных пошлин «вдвое без излишности добрыми и верными людьми безо всякой утайки и с записью в приходные книги» дословно повторяются. К осуществлению штрафных санкций на нарушителей «за неисправное исполнение» привлекались гражданские власти — губернаторы и воеводы. Штрафные деньги брали в государеву казну, а частью отчисляли на содержание госпиталей.

Указ 1731 г. определил новый формуляр записи венежной памяти в приходную пошлинную книгу, содержавший пять вертикальных граф/делений. Это выглядит некоторой аналогией законодательно введённой табличной форме метрических книг 1722—1724 гг. Д.Н. и И.А. Антоновы выделяют два их типа — нарративный и графический. Первый был более характерен для стран католического, а второй — лютеранского вероисповедания⁹³. Таким образом,

⁸⁶ ГА ВО, ф. 1260, оп. 3, кн. 548, л. 2.

⁸⁷ Там же, ф. 496, оп. 1, кн. 120, л. 12, 13 об.; кн. 526, л. 14; Горчаков М. Указ. соч. С. 242.

⁸⁸ ГА ВО, ф. 883, оп. 1, кн. 89, л. 3 об.

⁸⁹ Там же, кн. 241, л. 47 об.

⁹⁰ ПСЗ-І. Т. 8. № 5575. С. 292—293.

⁹¹ Там же. № 5746. С. 453—455.

⁹² ПСЗ-І. Т. 5. № 2821. С. 114.

⁹³ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги... С. 70.

продолжавшие функционировать во второй трети XVIII в. записные венечные книги одновременно с постепенно вводимыми метрическими оформлялись по единому, табличному принципу. Не случайно в раннем образце метрики по Ильинской церкви Кеврольского уезда Архангелогородской епархии за 1740 г. в заголовке видим название: «Книга записная о прихоцких людях на три части и кто имяны когда родились, браками венчались и померли, значит ниже сего 1740 году генваря с 1 числа»⁹⁴. Книга имела табличную форму. Новый формуляр записных книг венечных пошлин устанавливал необходимость расписки получателя венечной памяти «для сущей верности, кто венечную память возьмет, под каждую статью велеть росписаться». С утверждением табличной формы записи более чётко стали разделяться на отдельные блоки. Пошлинные деньги за выданные венечные памяти стали записывать как прописью, так и в отдельной графе цифрами.

24 апреля 1735 г. был издан указ, распространивший принципы прежнего положения на православные епархии и приходы Малороссии⁹⁵. В совместном указе Сената и Синода 2 декабря 1736 г. говорилось об отсылке собираемых с венечных памятей денег в госпитальную сумму и неупотреблении их ни на какие другие расходы⁹⁶. Для Войска Донского сделали исключение: по указу 30 июня 1744 г. донские казаки при вступлении в брак освобождались от выплаты венечных пошлин и лазаретных денег («как и наперед сего было» по грамоте 1720 г.)⁹⁷. Согласно ещё одному Сенатскому указу — 24 ноября 1744 г. — принципы указа 14 апреля 1731 г. распространялись на служащих ландмилиции в Киевской и Белгородской епархиях⁹⁸.

Действенность указов 1730—1731 гг. в Устюжской епархии удостоверяется совокупностью её записных венечных книг за 1731—1765 гг. (более 400). Этот корпус источников совершенно неизвестен науке и хранится в фонде Духовной консистории в ВУЦА. Широко их территориальный охват — Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский, Яренский уезды, Лальский посад. Большое количество книг объясняется полной сохранностью парных экземпляров по сборам: венечному (книга первой половины) и лазаретному (книга второй половины). Это отразилось в их заголовках: 1) «Книги с венечных памятей первой половины венечных пошлин и за письмо, и на отвоз, и на бумагу по состоявшемуся е.и.в. указу 1731 г. апреля 14 дня»; 2) «С венечных памятей второй половины на лазарет пошлин и взятыя венечных памятей с роспискою по состоявшемуся е.и.в. указу 1731 г. апреля 14 дня»⁹⁹. Сам же сбор венечных и лазаретных денег возлагался на должностных лиц архиерейских кафедр — поповских старост-казачиков и десятских попов. Размеры венечных и лазаретных сборов (12—18—25—30 коп.) сохранялись на всём протяжении 1730—1760-х гг. Значит, церковная и правительственная регламентация оказалась эффективной и действенной. Практикуемое Устюжской кафедрой во второй половине 1720-х гг. чрезмерное налогообложение браков было прекращено.

Сохранность документации Устюжской епархии позволяет сравнить записные венечные книги 1730-х гг. с непосредственными венечными памятями того же времени. В конце каждой памяти присутствует стандартная фраза

⁹⁴ ГА ВО, ф. 1260, оп. 4, кн. 5.

⁹⁵ ПСЗ-І. Т. 9. № 6724. С. 511—512.

⁹⁶ Там же. № 7116. С. 996—967.

⁹⁷ Там же. Т. 12. № 9299. С. 566—567.

⁹⁸ Там же. № 9035. С. 228—231.

⁹⁹ Великоустюгский центральный архив, ф. 363, оп. 1, кн. 342, л. 1; кн. 343, л. 1.

поповского заказчика о том, что «пошлины 4 алтына, лазаретных тож число, за письмо и на отвоз 1 алтын взяты и в приход записаны»¹⁰⁰. Не случайно и начинались вечные памяти 1731—1732 гг. с фразы в их заголовке: «По указу е.и.в. самодержицы всероссийской». Далее фигурировал казначей архиерейского дома иеромонах Иоасаф (Воломский), затем — дьяк Синодальной команды Иван Фирсов и, наконец, конкретный заказчик, от имени которого выдавалась вечная память конкретному приходскому священнику.

В 1720-х гг. Устюжская кафедра допускала произвольное взимание «куничных, за новоженной убрис, за прикащичей доход и указных на расходы» денег до 25—26 коп. (не заносимых в приходные книги). С 1731 г. приказная «надбавка» над вечными составляла строго 1 алтын. Если в 1726 г. с отроческой свадьбы взимали 20 коп. (и столько же на лазарет), то в 1732 г. суммарно 24 коп. В этом заключалось ближайшее практическое значение указов 1730 и 1731 гг. — они унифицировали и стабилизировали взимания на браки и лазареты, существенно их сократив.

Указом Екатерины II от 14 июля 1765 г. вечные памяти и пошлины с них упразднили. Лазареты же следовало содержать на суммы, отпускаемые из Коллегии экономии. Было предписано проводить брачный обыск, и если канонических препятствий не обнаружится, «венчать с запискою в метрические книги». Так отпала необходимость в ведении записных вечных книг, после чего и утвердился метрический учёт населения в России (в 1770-е гг.). Екатерининский указ преподносился подданным как «высочайшая милость императрицы, её попечение об облегчении народном»¹⁰¹. В декабре 1768 г. Синодским указом со ссылкой на указ 1765 г. вечные пошлины были отменены для мусульманского населения Российской империи¹⁰².

Таким образом, предыстория метрического учёта в России XVII — первой половины XVIII в. раскрывается через вечные памяти, вечные разделы архиерейских приходо-расходных книг, записные книги вечных пошлин, «сказки» о количестве венчаний в приходах, похоронные памяти. Церковный учёт рождаемости, смертности и явок на исповедь не имел систематического и всеобщего характера. Однако он вёлся, хотя и в ограниченном масштабе. Записные вечные книги возникли и функционировали в казённых приказах архиерейских кафедр, церковных округов-заказов и приходов городского и сельского населения. В XVII в. документы имели по преимуществу столбцовую форму, с начала XVIII в. — тетрадную, одновременно с которой функционировали и отдельные вечные памяти (чаще всего на листах гербовой бумаги, скреплённые печатью архиерейского Казённого приказа).

На протяжении XVI—XVII вв. размеры пошлин за выдачу вечных памятей возрастали, что увеличивало доходы церковных институций. В 1714 г., с введением выплат на лазареты, их размеры для брачующихся удвоились. В размерах вечных пошлин в первой трети XVIII в. по записным книгам Устюжской епархии не наблюдается строгого следования официальным нормативам. В записных книгах 1721, 1726 и 1728 гг. фиксируется отклонение от нормы пошлин до 40—50% в сторону увеличения. Это наводит на мысль о том, что в период петровских реформ государство стояло в стороне от регулирования вопроса о вечных пошлинах. В дальнейшем недовольство на местах заставило

¹⁰⁰ ГА ВО, ф. 1260, оп. 3, № 502, 507.

¹⁰¹ ПСЗ-1. Т. 17. № 12433. С. 189—190.

¹⁰² Там же. Т. 18. № 13208. С. 780—781.

правительство в указах 1730 и 1731 гг. декларировать «патриархии установления», что означало законодательное понижение величины брачных пошлин. Одновременно упорядочили само оформление и выдачу вечных памятей. Анализ совокупности записных вечных книг 1730—1760-х гг. убеждает в неукоснительном соблюдении этих принципов вплоть до отмены памятей в 1765 г.¹⁰³

Сравнение формуляра вечных памятей XVII — начала XVIII в. и 1730—1760-х гг. показывает ослабление в них религиозного начала. Если ещё в 1707—1718 гг. священнику предписывалось венчать брачующихся «по правилам святых апостол и святых отец после Божественной литургии до вечернего пения», то в дальнейшем этот элемент формуляра исчез¹⁰⁴.

Несмотря на введение метрик в 1722—1724 гг., практикуемые в Вологодской и Устюжской епархиях формы учёта браков ещё длительное время оставались неизменными. Навыки в данной сфере епархиального духовенства подготавливали его тем самым к переходу на метрическую систему учёта городского и сельского населения. На Устюге поповские старосты-заказчики учитывали браки по четырём годовым мяседам, на Вологде — строго с начала календарного года нового летоисчисления. Проведённые подсчёты показали, что в структуре брачности сельского и городского населения по-прежнему преобладали первые браки — ориентировочно 70—75%, далее шли полуторные — 15—20, вторые — 7—9 и третьи браки — 3—5%. Повторные браки были важны для поддержания института семьи, социализации человека. Необходимость их мотивировалась высокой смертностью (хотя систематических данных о смертности, возрастах вступления в брак изученные источники не содержат). Этот показатель стал неперменным в метрических книгах. Преобладание же первых браков отражает модель, характерную для традиционного общества, не вступившего ещё на путь «демографического перехода».

¹⁰³ Там же. Т. 17. № 12433. С. 189—190.

¹⁰⁴ ГА ВО, ф. 1260, оп. 3, № 313, 327, 408, 415.